

RU

Революционные события 1917 года в восприятии представителей русской литературы (на примере творчества воронежской писательницы Е. М. Милицыной)

Чикина И. И.

Аннотация. Цель исследования - проанализировать и обобщить восприятие революционных событий 1917 г. творческой интеллигенцией и отражение этого в литературном наследии русских писателей. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе архивных материалов, писательских дневников, воспоминаний современников, художественных произведений. Анализ источников личного происхождения и публицистики воронежской писательницы Е. М. Милицыной дает возможность воссоздать ее восторженное отношение к революционным событиям 1917 г., отразить последующее регрессивное изменение взглядов, которое происходило под воздействием революционной действительности, рефлексию писательницы на разочарование и последующее примирение с действительностью. В результате доказано, что душевные противоречия в отношении революции яркой представительницы русской творческой интеллигенции представляют ценным источником, позволяющим изучить социально-психологическую природу конкретной эпохи.

EN

1917 Revolutionary Events in the Russian Literature Representatives' Perception (by the Example of the Voronezh Writer E. M. Militsyna's Creative Work)

Chikina I. I.

Abstract. The study aims to analyse and summarise perception of the 1917 revolutionary events by the creative intelligentsia and its embodiment in the Russian writers' literary heritage. Scientific novelty of the study lies in conducting a comprehensive analysis of archival materials, writers' diaries, contemporaries' memoirs and literary works. By analysing the Voronezh writer E. M. Militsyna's sources of personal origin and publicistic works, it is possible to recreate her enthusiastic attitude to the 1917 revolutionary events, to capture subsequent regressive change in her views that occurred under the influence of the revolutionary reality, the writer's reflection concerning disappointment in and subsequent reconciliation with the reality. As a result, it is proved that internal contradictions in the attitude of a prominent representative of the Russian creative intelligentsia to the revolution are a valuable source that allows the researchers to study socio-psychological nature of the particular epoch.

Введение

Актуальность темы обусловлена повышенным вниманием исследователей к данной исторической эпохе. Отмеченное столетие революционных событий 1917 г. не прекращает попыток историков и обществоведов объективно оценить значение этого переломного года. Досконально изученное за вековую историю фактическое содержание этих событий не уменьшило противоречия их интерпретации. Именно поэтому публицистика, дневники и произведения русских писателей предстают перед современными исследователями в качестве ценного источника, позволяющего изучить не столько событийную суть революционных событий, сколько в первую очередь социально-психологическую природу конкретной эпохи. Исследование восприятия русских писателей «длинного 1917 года» поможет нам в изучении этих событий.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, провести источниковедческий анализ, изучить самые ранние произведения писателей, в которых отражена первичная реакция на эпохальные события; во-вторых, рассмотреть изначальное отношение представителей русской литературы

к революционным событиям 1917 г.; в-третьих, проанализировать, как меняются взгляды писателей на события революции, под воздействием каких обстоятельств; в-четвертых, понять трансформацию представлений, логику творческой мимикрии и социальную стратегию адаптации к последствиям постреволюционной эйфории; в-пятых, проследить отражение этих изменений в литературном творчестве писателей.

В работе использовались следующие методы исследования: теоретический анализ; систематизация и обобщение материалов; сравнение; сопоставление. Теоретической базой исследования, наряду с трудами Е. М. Милицыной, послужили публикации В. Б. Аксенова [1], О. Г. Ласунского [6], А. И. Путинцева [14], В. В. Розанова [15], Д. И. Рублева [16], Б. А. Фирсова [19], М. Горького, в которых анализируется творчество воронежской писательницы и характеризуются события 1917 г.

Практическая значимость исследования заключается в том, что основные положения и выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения революционных событий, реакции на них различных социальных групп, в частности, русской творческой интеллигенции. Материалы окажутся полезными для организации учебного процесса вузов, в разработке специальных курсов по истории России, при подготовке трудов краеведческого характера.

Основная часть

Понимание того, что в России в 1917 г. решался судьбоносный вопрос не только для страны и ее народов, но и возможно для всего мира, было присуще всем представителям творческой интеллигенции. Такое единство взглядов и восприятие действительности характеризуют объективность и ожидаемость эпохальных изменений.

Одним из первых на революционные события откликнулся Максим Горький, который в своей газете «Новая жизнь» к июню 1918 г. опубликовал около 80 статей, из них 57 были напечатаны под общим названием «Несвоевременные мысли». В статьях за апрель-июль 1917 г. М. Горький пишет об отсутствии духовного возрождения: «Всего больше меня поражает и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее... Человек оценивается также дешево, как и раньше» [3, с. 56]. Горький, воспевавший революцию до 1917 г., теперь ужасается порожденными ею социально-психологическими процессами, он отмечает, что революция пробуждает в людях «звериную глупость», утверждает на улицах «звериное право», а октябрь 1917 г. оценивает как «взрыв зоологических инстинктов».

Сходные переживания и у яркого представителя русской религиозной мысли Д. М. Мережковского. В его представлении любая революция порождается болезнью отживающих форм социального устройства и может стать средством исцеления от них, а может и проложить дорогу страшному в своем самомнении грядущему Хаму, самодовольному «воцарившемуся рабу» [12, с. 188]. В эмиграции Мережковский продолжал заниматься публицистикой и «предавать анафеме революцию». «Писатель, предсказавший явление миру Хама, и в эмиграции не переставал заглядывать в завтрашний день и повторять, видя мучения народа, что возрождение России начнется в тот день, год или век, когда христианские ценности вновь откроются сердцам ее граждан» [Там же, с. 189].

З. Гиппиус находилась в центре политической жизни, поэтому 1917 г. оставил заметный след в ее творчестве. Уже в процессе революции ее оценки происходящего становятся все более резкими, а к октябрьскому перевороту Гиппиус отнеслась с непримиримой враждебностью, подтверждение всего этого мы находим в ее «Петербургском дневнике». В нем Гиппиус выступает как свидетель революционных событий и называет их «концом времен». 24 октября 1917 г. З. Гиппиус пишет в дневнике: «На Невском – сейчас стрельба. Словом, готовится “социальный переворот”, самый темный, идиотический и грязный, какой только будет в истории» [2, с. 59]. Это неприятие революции проецируется на все ее творчество.

Как известно, И. Бунин занимал одну из самых непримиримых позиций по отношению к революции. Для И. Бунина с великой Россией было покончено уже после февраля 1917 г., он решительно отверг и Временное правительство, и большевистское руководство. Это подтверждается его дневниковыми записями «Окаянные дни». Бунин начинает свой дневник с записи, которая отражает его уверенность в продолжении ужасных событий «проклятого 1917 года»: «Москва, 1918 г. 1 января (старого стиля). Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже, наверное, так» [13, с. 19]. С пронзительной искренностью звучит боль писателя, его тревога не только за свою судьбу, но и за родную страну. В своем дневнике Бунин отвечает на призывы «объективно» разобраться в событиях русской революции: «19 февраля... Беспристрастно! Но настоящей непристрастности все равно не будет. А главное: наша пристрастность будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна страсть только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?» [18, с. 39].

Как верно отмечает В. Б. Аксенов, характеризуя писательские мысли, «субъективизм в их произведениях, оценках тех или иных событий доминирует над попытками дать непредвзятую, сухую, научную оценку происходящего перед ними, однако именно он помогает воссоздать психологическую атмосферу общества в связи с теми или иными событиями, выявить внутреннюю природу того или иного явления» [1, с. 98].

Очевидно, что творчество Е. М. Милицыной предреволюционного периода развивается на демократической основе с приоритетом общечеловеческих ценностей над классовыми. В своём творчестве она продолжила традиции А. Кольцова, И. Никитина, Г. Недетовского, А. Эртеля, то есть авторов, проявлявших интерес к традиционной культуре, нравам, бытовому укладу, ментальности русского крестьянина.

Известный воронежский краевед и писатель О. Г. Ласунский следующим образом характеризует раннее творчество писательницы: «Е. Милицына не сразу обрела верный тон. Симпатии к сельскому укладу сначала

настраивали ее перо на благодушный, созерцательный лад, толкали в сторону этнографизма. Но она быстро изживает идиллические нотки в своем творчестве и избирает позицию трезвого, критически мыслящего художника. Милицына видит, как разъедают деревню социальные язвы, как давит ее гнет патриархальщины, как сосут из нее соки кровопийцы – мироеды» [6, с. 243].

По примеру М. Горького, Милицына отправляется в свои литературные странствия, вливается в ту, как она позже отмечала в своей автобиографии, «бродячую Русь, которая ходила по свету в поисках идеалов, своего Бога» [Там же]. О ранних рассказах автора, опубликованных в «Русской мысли» в 1904 г., А. В. Луначарский писал: «Милицына предприняла интересную попытку проникнуть в душу той бродячей Руси, разнокалиберной, разноценной, богатой типами, которая ходит по лицу земли в поисках за утешением, развлечением, иногда и за более низменными благами» [7, с. 120]. Автор удостоился почетного отзыва Академии наук, а философ В. В. Розанов увидел в произведениях Милицыной «отражение особенностей религиозной жизни русского народа» [15, с. 23].

В центре внимания Е. М. Милицыной в период Первой российской революции (1905-1907) – социальная психология крестьянства, экономическое и нравственное разложение деревни. В дальнейшем психология крестьянина стала главным предметом художественных исследований писательницы. В её рассказах с глубокой жалостью будут обрисованы женские характеры из простонародья. Особенно трагично тема женской участи звучит в сцене публичного избиения мужем жены в рассказе «Не по закону» (1906): «Мужики покойно стояли у своих изб, или поодаль от толпы женщин, и смотрели на избиение. Всякий из них чувствовал себя полным властелином над своею бабою и знал, что завтра же, может быть, и он также будет бить свою бабу, как сейчас бьет свою Василию» [20].

Быстрый рост и возмужание мужицкого сознания показаны в таких зрелых произведениях, как «Ожидания» (1907), «В ожидании приговора» (1910) и др. Доброжелательно поддержали первые опыты в остросоциальной, демократической прозе писательницы В. Г. Короленко и М. Горький.

В повести «В ожидании приговора» (1910) сильны горьковские интонации. В этом произведении Е. М. Милицына рассказывает пронзительную историю приговоренных к казни бунтарей. Писательница обращается к теме бедственного положения крестьян, которое толкает их на преступления. «...Ефима “задавила нужда” на полудушевом наделе... он упорно бился на нем с пятерыми детьми, выдал сестру, схоронил отца с матерью; а когда единственную лошаденку увели из ночного, биться уж не хватило сил». Е. М. Милицына показывает, как тяжелое экономическое положение народа приводит к стихийным бунтам: «И скоро по всей округе уже гремело имя “славного разбойника” и носились изменчивые, призрачные картины, полные творчества бездольной жизни, обид, глубоко затаенной мести. Начались экспроприации. С разных сторон стали доходить вести об удачных нападениях на усадьбы помещиков, винные лавки, купцов, кулаков-крестьян. Страсти разыгрывались. Удача предприятий туманила голову, а тьма переделывала их по-своему: создавала героев, сказочные подвиги, толкала на новые» [17, с. 2].

Стремление писательницы как можно более правдиво показать российскую действительность нашло живой отклик у Максима Горького. Он привлек ее к сотрудничеству с книгоиздательским товариществом «Знание», помог подготовить собрание сочинений. В 1910 г. Горький писал Милицыной, в ту пору переехавшей вместе с мужем в Воронеж: «Ваши рассказы я своевременно читал уже, ныне, перечтя их вместе, я, мне кажется, имею право видеть в лице Вашем серьезного сотрудника и ценную силу – умного и стойкого борца за возрождение нашей страны» [3, с. 64]. Под редакцией А. М. Горького издательство выпустило в свет два тома рассказов Е. Милицыной, в 1913 г. вышел третий том её произведений в издательстве К. Ф. Некрасова (Москва). Первые два тома были отмечены почетными отзывами Академии наук. Третий том подвергся цензурному аресту «за восстановление класса на класс в печати».

Вот какую оценку деятельности Е. Милицыной этого периода дает известный советский литературовед, профессор Воронежского университета Алексей Путинцев в статье «Памяти Милицыной (1869-1930)»: «Самая интенсивная пора ее творческой работы, ее наибольший успех падает на 1910-1916 годы... Наивысшую общественную значимость имеют рассказы Е. М. Милицыной из крестьянского быта. В крестьянских рассказах, вышедших до Октябрьской революции, Е. М. Милицына возвысила свой голос против притеснителей крестьянства. Сила писательницы – в ярком отражении забитой деревни, ее протесте против “человеческого бесчеловечья”. И, конечно, царские прислужники по-своему были правы в оценке литературной деятельности, выраженной в словах реакционера Говорухи-Отрока, утверждавшего, что рассказы Е. М. Милицыной “являются по меньшей мере издевательством над душой русского народа, его верованиями и святынями, клеветническим памфлетом на сельское духовенство, натравливанием низших классов на высшие и открытым восхвалением “революционной пропаганды”» [14, с. 87].

Начавшаяся Первая мировая война была воспринята Милицыной как всенародное горе. Писательница добровольно становится сестрой милосердия в одном из лазаретов Воронежа. Работая в госпитале, она пишет антивоенные «Записки сестры милосердия», в которых нашли отражение судьбы раненых и общая трагедия страны. К весне 1916 г. писательницей закончены «Записки», которые были запрещены цензурой и остались неопубликованными. Но с рукописью ознакомились многие, а отрывки из «Записок сестры милосердия» читались со сцены. С ними выступал артист В. И. Качалов в Москве, Воронеже, Липецке и других городах. Актриса М. Ермолова в своём письме о «Записках сестры милосердия» писала: «Это удивительно хорошо. Но читать вслух этого нельзя, над этим можно только рыдать» [4, д. 1, л. 7].

В своей автобиографии Е. М. Милицына пишет: «В войну писать не могла, работала в госпитале и написала только “Записки сестры милосердия”» [Там же, л. 27].

Произведение было запрещено к печати не только царской, но и советской цензурой, и опубликовано только в 1998 году в журнале «Подъем».

В очерке звучат слова восхищения мужеством простого народа, особенно Е. М. Милицына подчеркивает трагичность судьбы русской женщины: «Увидишь женщин – это матери, чьи глаза не просыхают от слёз. Это жёны, обреченные страданию; жёны и матери, которым суждено нести мужской труд, в великом горе, лишениях перестраивать свою жизнь, перевоспитывать детей...» [9, с. 120].

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что если в раннем творчестве Е. М. Милицыной были сильные черты идеализации, то в произведениях в эпоху подготовки и осуществления Первой российской революции читатель видит реалистичное изображение жизни народа. После революции она оставалась на позициях критического реализма. Это подтверждается остросоциальной, демократической прозой писательницы.

Очевидно, что Февральскую революцию воронежская писательница встретила с восторгом. Мы имеем документальное свидетельство этого отношения, в вышедшем в первые дни февральской революции революционном воззвании к женщинам России, которое Е. М. Милицына написала к одному из митингов. В воззвании прежняя царская власть гневно и патетически изобличается: «Мы сбросили мертвящую руку разложившегося правительства, судорожно сжимавшую все нервы страны, всю жизнь». Е. М. Милицына рисует страшную картину царской России, особенно подчеркивая трагичность дореволюционной судьбы русской женщины-матери: «Скорбная тень страдальцы матери легла на всю нашу землю, всю нашу жизнь...» [5, д. 78, л. 2].

Е. М. Милицына обращается к тем женщинам, «кому небезразлично счастье Родины», она пишет: «Женщины земли русской! На ваших руках теперь молодые, освобожденные поколения. Освобождаясь сами от покрывающей вас тьмы, освобождайте от нее и их, – нежно, любовно развязывайте их слабые крылья». В тексте этого воззвания звучит твердая уверенность в том, что наступает светлое будущее и что страдания обездоленных закончились: «Теперь наши слезы и кровь наших детей будут святы для Родины. Свободные, мы примем на свою грудь измученные головы сыновей наших... и великою любовью залечим их страшные духовные и телесные раны» [Там же, л. 1].

Патетическое осуждение прошлого страны особенно контрастирует с восторженными перспективами послереволюционного развития, которые предрекает автор. Е. М. Милицына считает, что огромное значение в духовном развитии молодого поколения имеет женщина-мать: «Свободная, разумная мать – живая греза ребенка, его живая вера. Да здравствует свободная мать!» [Там же]. В другом воззвании Е. М. Милицына призывает всех женщин свободной России к решению самых насущных проблем: «Перед вами встают большие вопросы; от вас будут зависеть большие решения. Надо к ним приготовиться. Да здравствует свободная женщина великой свободной России!» [Там же, л. 2].

В 1918-1921 гг. писательницы Е. Милицына и В. Дмитриева входили в состав членов театральной секции культурно-просветительного отдела Воронежского Совета. Об этом периоде заведующий отделом Г. С. Малюченко вспоминал: «Она была исключительным человеком... Всегда одухотворённая, наивно-восторженная, Милицына казалась человеком не от мира сего, идущим по какому-то своему, особенному пути. Она хорошо знала и правдиво описывала крестьянскую жизнь, отображая в своих произведениях её тёмные и светлые стороны...» [8, с. 234].

В голодном 1919 г. Е. М. Милицына похоронила родителей, мужа, сестру. Жить одной в Воронеже материально было очень трудно. «Верная своим давним симпатиям, Елизавета Митрофановна уезжает в воронежскую глубинку, чтоб собственными глазами видеть революционную новь» [Там же, с. 244].

В 1920-1923 гг. Милицына работала в Воронежском уезде заведующей библиотекой Шукавской волости, воспитательницей в детском доме им. III Интернационала в селе Репном Придаченской волости, заведующей Шукавским детским домом в бывшем имении Деевых [4, д. 1, л. 13].

Чтобы прокормить 56 детдомовских ребят, она вместе с ними обрабатывала шесть десятин земли, вела нехитрое хозяйство. Сохранились воспоминания бывшего воспитанника этой коммуны Михаила Хатунцева. Вот несколько строк из них: «Елизавета Митрофановна... была мать-революционерка, не считалась с трудностями – лишь бы воспитать нас в духе преданности, честности и трудолюбивыми. Мы ее любили» [Там же, л. 12].

Е. М. Милицына хорошо знала заботы крестьян, сотрудничала с воронежскими периодическими изданиями, являясь селькором «Нашей газеты» и «Воронежской коммуны». Одновременно собирала материалы по темам «Современные браки в деревне», «Религия в крестьянстве и остатки идолопоклонства» и другим. До 1928 г. Милицына была активным селькором областной газеты «Коммуна». Ею были подготовлены к печати рассказы «Красная девка» и «Наворожила», в которых большое внимание уделяется новой роли женщины, вопросам семьи и брака.

Около десяти лет посвятила Елизавета Милицына поискам ответа на то, как приживались нововведения, принесённые революцией в воронежскую деревню. Круг интересов Милицыной этого периода: «...прежде всего это проблемы взаимоотношений между бедными и зажиточными слоями в деревне, представители власти в деревне, конфликт на религиозной почве и др.» [Там же, л. 29]. Писательнице пришлось непосредственно окупиться в повседневную жизнь молодой советской деревни. И содержание этой повседневности просто шокировало её. «Местные органы власти в лице сельсоветов никаким авторитетом в глазах крестьян не пользовались, уездные, а тем более центральные, органы власти были оторваны от крестьянских нужд и витали в своих идеологических фантазиях. Традиционализм в лице кумовства, взяточничества, власти кулака-миродея стремительно взял верх над партийностью и революционными достижениями» [19, с. 223]. С такого рода фактами Е. М. Милицыной самой пришлось столкнуться в 1920 г., когда она приехала в село Шукавку заведовать библиотекой. Она вспоминала: «Я вступила в комячейку, но увидела, что шукавские коммунисты

ничего общего с коммунистами не имеют. Пережила ужасы убийств на кухне волисполкома, где убивали дезертиров-бедняков, не могущих дать взятки, в то время как дезертиры из кулаков, откупившись, спокойно проживали дома» [4, д. 1, л. 29]. Писательница неоднократно отмечала, как протест против плохих местных руководителей перерастал в крестьянскую обиду на советскую власть. Категоричная, бескомпромиссная позиция Е. М. Милицыной, отстаивающей интересы крестьян и критикующей местную власть, обернулась против неё – она пострадала от произвола шукавских коммунистов. Позже она рассказывала в автобиографии: «Там я увидела пьянство, взятки, истязания крестьян, убийства, шла против». Вступив в РКП(б) в 1920 г., уже через год она была исключена за «оторванность от коллектива» [Там же, л. 28]. Стоит отметить, что впоследствии руководитель этой ячейки был осужден на 10 лет.

Е. М. Милицына жила в деревне и наблюдала советские нововведения, принесённые новой властью в воронежскую деревню, но не нашла ничего общего с революционными идеалами, в которые изначально так верила. Е. М. Милицына по своему социальному происхождению была близка к крестьянству, она понимала, какое значение имело православие и чем грозят нововведения, принесённые революцией в деревню. Уничтожалась религиозная основа, веками формировавшая духовность человека. Несмотря на революционные убеждения, религиозность Е. М. Милицыной проявляется в ее литературных произведениях, ярче всего – в публицистике.

В 1923 г. Милицына вернулась в Воронеж, но ненадолго. С ее скромным литературным заработком в городе просто не хватало средств к существованию. В 1926 г. она по материальным обстоятельствам снова покидает Воронеж. Работает заведующей Ольховатской районной библиотекой. В эти годы Ольховатский район (Россошанский округ) подлежал украинизации. Однако 20 октября 1928 г. Милицына уволилась с должности заведующей библиотеки «как русская и не изучившая украинского языка». Покинув слободу Вильховатку (так писалась Ольховатка в период украинизации), Е. М. Милицына возвратилась в Воронеж и поселилась в квартире неких Захаровых по улице Свободы, 2.

С 28 августа по 30 октября 1929 г. Милицына была в командировке от Воронежского областного краеведческого музея на северо-востоке области с целью изучения крестьянского быта. В ходе поездки было обследовано более 10 населённых пунктов Воронежского и Нижнедевицкого уездов (Устье, Гремячье, Костёнки, Рудкино, Борщёво, Оськино, Яблочное, Кочетовка, Семидесятное, Истобное, Краснолипые). Плодом этой командировки Е. М. Милицыной является очерк «По сёлам ЦЧО с котомкой», ставший наиболее ценным источником по истории воронежской постреволюционной деревни. За сугубо критическую тональность он не был напечатан и впервые этот очерк был опубликован в журнале «Подъём» лишь в 2001 г. Это была ее последняя крупная работа. 11 января 1930 г. Елизавета Митрофановна не стало. Похоронена в Воронеже на Новостроящемся кладбище (ныне Воронежский литературный некрополь) рядом с могилами А. В. Кольцова и И. С. Никитина.

Е. М. Милицына стойко боролась за возрождение духовности, без которой невозможно было восстановление нашей страны. Неудивительно, что на её могиле лежит мраморная плита с горьковскими словами: «...умный и стойкий борец за возрождение нашей страны».

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. На основе комплексного исследования архивных материалов, писательских дневников, воспоминаний современников, публицистики и художественных произведений русской советской писательницы Е. М. Милицыной достаточно полно воссоздается ее восторженное и полное надежд отношение к революционным событиям 1917 г. Последующие пессимистические изменения взглядов писательницы на перспективы социальной модернизации русской деревни происходят под воздействием революционной и советской действительности. В произведениях Е. М. Милицыной наблюдается эволюция взглядов на революцию – от искреннего служения ей до полного разочарования. Трагедия русского писателя, трагедия русской революции сплелись в судьбе, полной таких противоречий, как и сама история революции. Отмеченные выше частные противоречия в отношении к революции русской писательницы отнюдь не снижают ценности данной социальной группы как свидетелей революционной действительности. Ее художественные произведения и публицистика предстают перед современными исследователями в качестве ценного источника, позволяющего изучить социально-психологическую природу конкретной эпохи.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более обширной выборке и изучении источников личного происхождения Е. М. Милицыной, а также таких известных трагической судьбой биографий советских писателей и поэтов, как М. Булгаков, С. Есенин, Н. Островский, А. Гайдар и др.

Источники | References

1. Аксенов В. Б. 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. № 1. С. 96-101.
2. Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. М.: Олимп, 1991. 125 с.
3. Горький А. М. Письма к писателям и И. П. Ладьянникову // Архив А. М. Горького: в 16-ти т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 7. 382 с.
4. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-188. Оп. 1.
5. ГАВО. Ф. И-312. Оп. 2.

6. Ласунский О. Г. Литературная прогулка по Воронежу. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. 255 с.
7. Луначарский А. О повести Милицыной // Образование. 1904. № 3. С. 117-121.
8. Малюченко Г. С. Первые театральные сезоны новой эпохи // У истоков: сборник статей. М.: Всероссийское театральное общество, 1960. С. 234-245.
9. Милицына Е. М. Записки сестры милосердия // Подъём. 1998. № 4. С. 113-120.
10. Новикова Л. Г. Революции 1917 и Гражданская война в российской провинции: взгляд двух западных историков // Российская история. 2009. № 6. С. 169-176.
11. Одоевцева И. В. На берегах Сены: Мережковский и Гиппиус // Звезда. 1988. № 12. С. 78-85.
12. Поварцов С. Н. Траектория падения: о литературно-эстетических концепциях Д. Мережковского // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 153-191.
13. Пророки вне закона, или Апокалипсис революции: учебное пособие для вузов. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. университета, 1995. 169 с.
14. Путинцев А. И. Е. Милицына // Литературная газета. 1930. № 7. С. 85-87.
15. Розанов В. В. Современные рассказы // Новое Время. 1904. № 23. С. 23-28.
16. Рублев Д. И. Проблема «интеллигенция и революция» в анархистской публицистике начала XX века // Отечественная история. 2006. № 3. С. 166-173.
17. Только час. Проза русских писательниц конца XIX - начала XX в. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. Ученова. М.: Современник, 1988. 590+2 с.
18. Удодов А. Б. Временник 1917-1930: история русской литературы в событиях, фактах, комментариях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. университета, 1994. 169 с.
19. Фирсов Б. А. Воронежская деревня в 1920-е годы (по материалам архива писательницы Е. М. Милицыной) // Народная культура сегодня и проблемы её изучения: материалы Научной региональной конференции (г. Воронеж, 12 мая 2010 г.) / науч. ред. Т. Ф. Пухова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. университета, 2010. С. 211-223.
20. http://az.lib.ru/m/milicyna_e_m/text_1905_ne_po_zakonu.shtml (дата обращения: 07.07.2021).
21. <http://www.hrono.info/text/podyem/ideal.html> (дата обращения: 07.07.2021).

Информация об авторах | Author information

Чикина Ирина Ивановна¹

¹ Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

Chikina Irina Ivanovna¹

¹ Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov

¹ ira.chikina.62@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): революционные события 1917 г; публицистика; восприятие революции; Е. М. Милицына; эволюция взглядов; 1917 revolutionary events; publicistic works; revolution perception; E. M. Militsyna; evolution of views.